

ЩЕНОК ДИКОЙ ОХОТЫ

Публикация в рамках совместного проекта журнала
с Ассоциацией союзов писателей и издателей России (АСПИР).

ОЛЬГА НУЗМИНА
Кандидат исторических
наук, фольклорист, педагог,
писатель.
В 2022 году вошла в шорт-
лист премии «Интерпресснон»
с рассказом «Демидур
из валенка» (второе место)

и в лонг-лист литератур-
ного конкурса «Ннигуру»
с романом «Бродяги»; заняла
второе место на литера-
турном конкурсе памяти
М. Успенского.
В 2023 году победила
на конкурсе «Это фант»

(«ЛитРес») в номинации
«История» с научно-
популярной книгой «Подме-
ныши. Утраченные жизни»
(готовится к выходу в изда-
тельстве «Перископ-Волга»).
Вошла в лонг-лист конкурса
«Нислород».

Щенок был белоснежный, с такими рыжими ушами, что они казались красными. Он возился в грязи возле тростниковой подстилки, на которой лежала ошенившаяся ночью Дина.

– Что же ты? – упрекнул собаку Мартин, подсовывая щенка к двум собратям. – Он ведь голодный.

Дина слабо махнула хвостом. Она часто дышала, в уголках глаз запеклись бурые корочки.

– Попить ей надо. – Мать плеснула в миску парного молока. Выпрямилась, потирая поясницу, и замерла, разглядывая третьего щенка.

– Красивый, правда? – Мартин пальцем погладил шелковистую белую мордочку. – Смотри, у него глаза открылись!

– Иванова ночь! – Мать стянула у горла вязаную шаль. Начинаясь день обещал быть теплым, но ее сотрясала дрожь. – Опять...

Она закашлялась – сухо, надрывно, зажимая рот ладонью. Согнувшись, вышла из хлева. Мартин беспомощно посмотрел ей вслед. Дина заскулила. Мартин окунул палец в молоко, поднес к ее носу. Собака вздохнула и закрыла глаза. Два серых щенка пищали, тыкаясь незрячими мордочками в тощие соски. Белый щенок приподнялся на дрожящих передних лапках, ухватил палец Мартина и принялся сосать.

Бриджит стояла, прислонившись к нагретой стене хлева. Подойник она поставила на землю, чтобы не расплескать молоко. Проклятый кашель, все нутро отбил до крови. Что будет с Мартином, когда она умрет? Соседи и так на него косятся, а теперь еще этот щенок...

– Мама! – Из двери выглянул Мартин. Одной рукой он вытирал слезы, другой – скрюченной – неловко прижимал к себе белого щенка. – Дина умерла...

Бриджит подняла глаза на своего единственного сына. Худой, кривобокий, голова едва держится на тошенькой шее. Не ребенок – надломленный стебель чертополоха.

– Дина была уже старая, сынок. – Она сглотнула солоноватую слюну. – А щенки?

– Они не пьют козье молоко. Только этот. – Мартин погладил белого малыша. – Я его с пальца покормил, но у него задние лапки не шевелятся. Отчего это, мама?

«Что вам нужно от меня? – бессильно подумала Бриджит. – За что вы меня мучаете? Ведь двадцать лет прошло!»

Каким жарким было то лето. С душными, грозowymi ночами. На холме в разрушенном форте фейри отцветала бузина. Все дети знали: кто встанет под куст бузины на Иванову ночь, тот увидит короля Добрых соседей. Бриджит поспорила с со-

седским Патриком, кто из них не струсит пойти туда ночью. Патрика вовремя поймала мать. Бриджит отыскали только утром – спящую на склоне холма.

Родители потом год следили за ней. Бриджит на всю жизнь запомнила взгляды исподтишка – испуганные, недоверчивые. Теперь люди так же смотрят на ее сына. Неужели она чем-то обидела Добрых соседей? Сколько лет она задает вопросы в пустоту. Никто ей не отвечает – ни Бог, ни Они. – Что ж, – Бриджит вздохнула, – бери щенка в дом. Бог даст, вылечим.

Лопаты с чавканьем поддевают сырую землю, бросают на дерн, уложенный на крышку гроба. Середина декабря, а снега еще ни разу не было. Мартин переступил окоченевшими ногами. Из старых башмаков он вырос, а новые мама купить не успела. Мартин мазнул ладонью по щекам, стирая холодные капли. Он не плакал. Ночью Финн лизал ему лицо горячим языком и слизал все слезы. Теперь Мартин прятал от серого света сухие глаза. Мамина шаль, которой он укрылся с головой, напиталась моросью, отяжелела. Мартин хотел домой, к горящему в очаге торфу, к запаху парного молока, свежесрезанного тростника и вереска. К теплу свернувшегося на их общей постели Финна.

Имя сказочного героя выбрал для щенка Мартин. Чтобы вырос сильным и смелым. Все лето Финн пролежал в старой люльке, плетеной из ивовых прутьев. При виде Мартина поднимал лобастую голову, смешно топорщил рыжие уши. Почти не скулил, даже когда Мартин брал его задние лапы, разминал, гладил, как научила мама, прикладывал влажные листья шавеля. Клал на пол, заставляя понемногу ползать.

На третий месяц щенок сам вылез из люльки и с тех пор ни на шаг не отходил от Мартина. Мама тогда заулыбалась, и даже вроде поздоровело ей.

Священник все читал молитвы. Тяжелая ладонь опустилась на плечо мальчика, нажала, заставляя опуститься на колени. Штаны тут же напитались холодной водой. Теперь долго сохнуть будут. А ведь огонь в их хижине сегодня не разводили. И тростник на полу не меняли. А коз еще вчера увела к себе соседка...

Наконец служба закончилась. Могилу засыпали доверху. Ноги Мартина застыли до бедер, колени ломило. Чтобы встать, пришлось оттолкнуться здоровой рукой от земли. Шаль упала. Мартин чувствовал на себе любопытные взгляды соседей,

пока брел за дедом по размокшей дороге. Пэт Боланд приехал затемно и сказал, что они уедут сразу после похорон.

Мартин смутно помнил своего отца. Дэвид Боланд умер, когда мальчику было пять лет. В памяти остались сильные руки, колючая щетина, веселый смех, стук молотка. Отец любил насвистывать во время работы, и Мартин пытался ему подражать, но губы не слушались.

Пэт и Нора Боланд – отец и мать Дэвида – жили на хуторе возле городка Клонмелл. Мартин с мамой ни разу у них не были. Только однажды Мартин видел деда и бабуку, когда они приехали на похороны сына.

– Пошевеливайся.

Пэт даже не зашел в хижину. Узелок с тремя рубашками и теплыми штанами Мартина уже лежал в телеге. Серая лошадь нервно косила глазом на белого рослого щенка с огненно-рыжими ушами. На кладбище Финн не пошел, остался лежать на пороге хижины. А теперь радостно прыгал вокруг Мартина. – Он с тобой, значит? – Пэт тяжело глянул на щенка.

Мартин молча кивнул. Финн наострил уши, поглядывая то на хозяина, то на чужого человека в пропахшей дымом куртке. На скулах Пэта заходили желваки.

– Ладно, – буркнул он. – Поехали.

Конь бежал ровной рысью. Деревня осталась далеко позади, а Мартин все оборачивался. Он любил их с матерью хижину. Любил огород с тремя корявыми яблонями и грядками, которые старательно пропальывал. Любил луговину за домом, где паслись козы. Там каждое лето цвела наперстянка. Умные козы не ели высокие стебли с пурпурными цветами.

Кто теперь будет жить в их хижине? Или придут люди с ломами и разрушат ее? Пока мама была здорова, она вязала красивые шали, лучше всех в деревне, и продавала в городе. Им хватало на аренду жилья. Мартин тихонько шмыгнул носом. От тряски у него заболела голова, ныли пальцы и колени, как всегда в холодную сырость. Финн легко бежал рядом с телегой, его радовала прогулка. Глядя на него, никто бы не поверил, что первые три месяца жизни этот щенок ползал, волоча за собой задние лапы. Время от времени Финн весело подпрыгивал и тыкался головой в колени Мартина. Пэт глухо молчал, изредка потряхивая вожами. К обеду у Мартина забурчал живот. Пэт достал сверток с ломтями хлеба, намазанного

маслом. Сунул два куска Мартину и внимательно, с непонятым ожиданием смотрел, как мальчик ест. Потом отвернулся. Тогда Мартин тихонько бросил половину куска Финну. Тот поймал на лету и проглотил. Мартин бережно собрал крошки и отправил в рот. Хотел заговорить с дедом, но не мог придумать, что сказать. Так – в давящем молчании – они и добрались до хутора.

Дом оказался большим и многолюдным. Кроме хозяина с хозяйкой здесь жили две рыжеволосые служанки – чуть постарше Мартина – и овдовевшая сестра Пэта.

Нора Боланд, высокая крепкая женщина с седыми волосами, скрученными в тугий узел, встретила мужа и внука у двери. Скрестив на груди руки, окинула неловко прыгнувшего с телеги Мартина внимательным взглядом серых глаз и брезгливо поджала губы.

– Спать будешь в общей комнате. Собаку в дом не заводи, иначе обоих в конюшню выставлю.

Она повернулась и вошла в дом. Мартин похлопал Финна по спине.

– Сиди здесь. Я скоро приду.

Финн обиженно посмотрел на него, отошел подальше от двери и лег на пожухлую траву, положив длинную морду на лапы. Мартин вздохнул и вошел в дом. Общая комната поразила его размерами – шагов десять в длину – и огромным очагом с железной решеткой. «В таком можно корову целиком жарить, – подумал Мартин. – Как у великанов в сказке».

Девчонки-служанки проскочили мимо него с пустыми ведрами. Он спиной почувствовал их взгляды. Нора нетерпеливо махнула рукой.

– Отойти от двери, не путайся у людей под ногами. Спать будешь здесь. – Она кивнула на раскладную лавку. – Тюфяк и одеяло вечером дам. Вши есть?

– Нет. – Мартин покраснел от обиды.

Мама каждую неделю мыла ему голову, пока не слегла. А потом он и сам научился справляться одной рукой.

– Нахлебников нам не надо. – Пэт обошла Мартина, не касаясь даже краем юбки. – Будешь делать, что скажу. А пса привяжи, чтобы кур не пугал.

Привязать Финна?!

– Он не трогает кур! – горячо заговорил Мартин. – И не кусается! Не надо его привязывать.

– Ты у меня поспорь еще! – Нора качнулась к нему. Узловатые пальцы сжались в кулаки. – Тебе молчать надо и молиться – день и ночь. За

мать свою, что горит сейчас в огне чистилища! За отца, которого ты... – Она замолчала и отвернулась.

Мартин прикусил губу. Его мама на небе! И он вовсе не забыл отца. Или бабка хотела сказать что-то другое?

– Сколько ему? – Джон О’Донохью, ближайший сосед Боландов, затянулся трубкой.

– Девять уже. – Пэт сплюнул в очаг. – Ест, словно голодной травы нанюхался, а все не впрок. Кожа да кости.

– Так-так... – Джон быстро глянул на Дэна Гейни. Прославленный на всю округу знахарь пока что не вмешивался в разговор, неспешно потягивая из бутылки потин. – И давно это с ним?

– С четырех лет. – Пэт взял у Дэна бутылку и сделал добрый глоток. – Дэвид говорил, заболел мальчонка сильно, в жару лежал, бредил. Бриджит травами его поила. И вроде оклемался он, а потом ни с того ни сего всю левую сторону скрючило. Нога еще ничего, прихрамывает только, а рукой совсем не двигает, и левый глаз косит.

– А пес его? – Джон подался вперед, жадно ловя каждое слово.

– Сам же видел. – Пэт вернул Дэну бутылку. – Белый он, по грязи бегаёт, а все чистый. Морда тонкая, уши красные. Только у Добрых соседей такие собаки.

Они посмотрели на Дэна. Знахарь выдержал паузу, основательно затягиваясь трубкой. Выдохнул дым, откашлялся.

– Верно говоришь. – Голос его звучал сухо и надтреснуто. – Из-под холма этот щенок. Вырастет с доброго теленка ростом, начнет на кур охотиться, а там и за коз возьмется, и за коров. Подмениш он.

– Как же это?! – Джон поперхнулся потинем. – Слышал я о детях-подменишах, но чтобы пес...

– А так уж. – Дэн усмехнулся. – Коли родится под холмом увечный щенок, Они его людям подбрасывают. Корова-то не боится его?

– Вроде нет, а доиться меньше стала. – Пэт оглянулся на дверь. – Все одно к одному. Как думаешь, сам-то мальчишка – человек или тоже... подмениш?

– Может, и так. – Гейни со значением покачал головой. – Слышал я про его мать, что якшалась она с Добрыми соседям.

– Верно. – Пэт наклонился ближе. – Уж старуха моя предупредила Дэвида, а он смеялся толь-

ко. Ни во что не верил. И священника к мальчишке звать отказался. А вскорости и умер, хотя здоровый был. Ну, тут уж слухи пошли, что подменыша Бриджит растит, и он, стало быть, от мужа-то ее избавился. А в этом году, видать, самой черед пришел. А может, и не умерла она, может забрали ее Добрые соседи.

Мужчины помолчали, посасывая трубки. Пэт сутулился на табурете, стиснув мозолистые пальцы.

– Неладно у нас, Дэн. Коровы по всей округе доиться перестали. Может, это пес проклятый молоко у них ворует? Каждую ночь сбегает, как ни привязывай. Того и гляди, соседи с жалобами явятся. Январь на дворе, а все дождь и дождь. Служанки кашлять начали. Старуха моя слегла. Неужто она следующая будет? А мы эту тварь кормим!

Мартин отнес в конюшню ведро с вареной репой и рубленным кормовым дробом. Помогая себе коленом, высыпал в кормушку. Серая благодарно фыркнула. Мартин поставил ведро и сел в углу на кучу соломы. Финн тут же свернулся у него под боком. Возвращаться в дом, где у очага пили трое мужчин, не хотелось. Гости пугали Мартина, особенно тощий коротышка с цепким, колючим взглядом. Не зря Финн на него зарычал.

Мартин уткнулся в белый мех. От щенка пахло сухим вереском и кровью.

– Опять на зайцев охотился?

Финн виновато заскулил и лизнул его в щеку. Мартин вздохнул. Однажды он слышал, как кричит смертельно раненый заяц – совсем по-дитячьи. Но пусть уж лучше Финн ловит зайцев, чем кур.

– Не любят они нас, – прошептал он в рыжее ухо. – Ну, ничего. Переживем зиму, а по теплу уйдем бродяжничать. Я милостыню просить буду, ты – охотиться. Ягоды пойдут, грибы. Прокормимся как-нибудь.

О жизни нищих Мартин знал мало. В город его мама не брала, а в деревню попрошайки забредали редко. Правда, был один – горбун по имени Джек. Он появился прошлой осенью – насквозь промокший и грязный, в обносках из дерюги и с рваным мешком на голове. Джек просил хлеб в обмен на песни. Голос у него оказался на удивление чистый и красивый. Бриджит впустила его в дом, дала хлеба и кружку молока. Они вместе пели весь вечер, и нищий остался ночевать. Мартину он понравился – Джек вовсе не обращал внимания на его уродство. Дождавшись, пока мать выйдет к козам, Мартин торопливо, сбиваясь и глотая

слова, рассказал гостю сказку про горбуна, которого излечили фейри.

– Предлагаешь мне спеть у холма Добрых соседей? – Джек улыбнулся – по-доброму, но не весело. – Прошли те времена, когда холмы открывались каждую ночь, сынок. Теперь Дамы и Господа лишь изредка выезжают на охоту. Оно и к лучшему, по правде говоря.

Он погладил Мартина по голове.

– Красивая у тебя мама, и ты на нее похож. Берегите друг друга. А если случится тебе повстречать Добрых соседей, накрепко запомни – никогда их ни о чем не проси. И не бери у них золото.

Эх, найти бы Джека, вместе с ним бродяжничать не страшно. Мартин лег, укрыв Финна краем маминой шали. Завтра последний день года. Мама всегда пекла вкусный новогодний хлеб. Они сидели рядышком, отламывали по очереди куски от ковриги, макали в молоко... Если еда падала на пол, мать никогда ее не подбирала – оставляла фейри. А Мартин отщипывал немножко от упавшего куска – на удачу. Где та удача? Почему все плохо, если они жили правильно? Мартин, как наяву, услышал тихий голос матери:

*Будь счастливым, милый мальчик,
И здоровым будь.
Мать, почившую в могиле,
Не забудь...*

Раньше он не понимал, какая это страшная колыбельная. Лучше бы маму и вправду забрали Добрые соседи, как шептались старухи, которые приходили обмывать тело. Но Финн в тот день спокойно лежал на пороге, а уж он бы подал знак.

Мартин тихо заплакал. Надо возвращаться в чужой дом, к недобрым взглядам, миске с остывшей картошкой и черствой горбушке. К молчанию. Даже служанки с ним не разговаривают, делают вид, что его вовсе нет. Вот и ладно. Если уйдет, никто искать не станет. И ничего он из этого дома не возьмет, даже старые башмаки деда. Все равно они велики, приходится веревками примащивать к ногам.

– Все будет хорошо, – прошептал Мартин и вытер слезы о шерсть Финна. – Правда-правда.

Щенок поднял голову, прислушиваясь. Но не к словам мальчика. Он тихо взвизгнул, втягивая ноздрями залетевший в щели ветер, и вскочил. Длинные лапы напряглись. Мартин обхватил щенка за шею. Финн беспокоил его с начала зимы.

Мартин замечал, что люди смотрят на щенка с подозрением, хватаются за первое попавшееся под руку железо, когда он пробегает мимо. Мартин и сам не сомневался, что Финн – волшебный пес. Может, Добрые соседи не бросили его, а потеряли и теперь ищут? Или уже нашли. Где пропадает Финн по ночам, с кем?

– Не убегай от меня! – Мартин вцепился в ошейник, сплетенный матерью из тонких кожаных шнурков. – Пожалуйста. Или заведи с собой.

Финн посмотрел ему прямо в глаза. Пару раз вильнул хвостом, опустил уши, вздохнул и лег, вытянув лапы.

– Они не возьмут меня, да? – Мартин подставил скрюченные пальцы под горячий язык.

Когда Финн лизал его руку, ноющая боль в суставах немного отступала.

– Кому я такой нужен, даже петь не умею.

– Великоват мальчишка-то. – Дэн Гейни выбил трубку. – Не младенец в люльке, так что хлебом в яичной скорлупе не обойдемся. Тут и травы потребуются, и огонь. Твердо ли ты решил от него избавиться, Пэт?

Боланд вскинул на него потемневшие глаза.

– Тверже некуда. Когда?

– Завтра. – Дэн решительно хлопнул себя по коленям. – Я приду, как стемнеет. В канун новогодья Добрые соседи из-под холмов выезжают, переселяются на новые места. Вот мы и вернем им подменыша.

– Потребуется чего?

– Что нужно, я принесу. А ты пригласи с утра священника, пусть мессу прочтет.

Пэт понимающе кивнул.

– А ты, Джон? Втроем-то сподручнее будет.

Джон вздрогнул, отвел зачарованный взгляд от висящей на крючке кочерги и нервно облизнул губы. Скрипнула дверь, в дом бочком протиснулся Мартин. Не поднимая глаз, сбросил грязные башмаки и похромал к дальнему концу стола. В доме тепло, а он жмет, словно на юру. Из-под женской шали торчат скрюченные, иссохшие пальцы, похожие на птичью лапу. Джон передрнулся.

– Приду, – сказал он.

В хозяйской спальне надрывно кашляла Нора, уже три дня не встававшая с постели. Утром к ней поднимался священник. От молитвенного речитатива Мартину стало тоскливо и страшно, как в тот день, когда умерла мать.

Когда священник ушел, Пэт долго о чем-то толковал с женой и сестрой. В общую комнату спустился мрачный. Служанки старались не попадаться на глаза хозяину и даже кашляли бесшумно, зажимая рты передниками. Пэт бесцельно прошелся от стены до стены, потом вышел во двор и вернулся еще мрачнее.

– Опять твой пес сбежал! – Он бросил Мартину веревку. – Как вернется, привяжи покрепче.

Девчонки шушукались, поглядывая то на Мартину, то на тростниковый крест святой Бригитты, укрепленный над притолокой. У Сары, тихой и бесцветной сестры Пэта, все валилось из рук. Она то принималась драить стол, то хваталась за метлу, хотя пол и так был чисто выметен. Картошка разварилась, молоко горчило, очаг вдруг начал дымить. Против обыкновения, Мартину не поручали никакой работы. Сидеть без дела было неловко, и он потихоньку ускользнул в конюшню. Серая встретила его неласково, не взяла корочку и даже чуть не укусила. Лошадь нервно перебирала ногами и фыркала на прибежавшего Финна.

– Где ты был? – Мартин сунул ему в пасть кусочек хлеба. Шенок играючи сжал его пальцы зубами. – Ох, Финни, мне опять велели тебя привязать. Не обижайся, ладно?

Финн весело чихнул, вскинулся на задние лапы, чуть не опрокинув Мартину. Потом обнюхал веревку и принялся теребить. Мартин не слишком старался затянуть узел. Тот, кто умеет бегать наперегонки с ветром, не должен сидеть на привязи.

От дома послышался голос Сары – она звала Мартину. Финн насторожил уши. Когда мальчик встал, ухватил его за подол куртки.

– Ну, что ты, пусти. – Мартин погладил щенка. –

Я приду попозже, принесу свежего хлебца.

На улице подморозило, небо очистилось, показались яркие звезды. Мартин вдохнул морозный, колючий воздух, пожегся и вошел в дом. Сара уже испекла новогодний хлеб, все отломали по кусочку. Мартин свой только понюхал и спрятал в карман. Остальные посмотрели так, словно он что-то украл. Пэт поднялся, кулаками опираясь о столешницу. И тут во дворе завыл Финн – зауньвно, протяжно, как взрослый пес.

– Спаси нас Господь! – Сара перекрестилась. – Ведь это он к покойнику...

– Проклятый ублюдок! – Пэт схватил кочергу и выскочил на двор, хлопнув дверью.

Мартин захромал следом. Босые ноги обожгло морозом. Финн выл не переставая, запрокинув

узкую морду к луне. В конюшне бесилась лошадь. Пэт, оскальзываясь на подмерзшей грязи, широко шагнул к щенку, размахивая кочергой.

- Не бейте его! Финн, замолчи! – Мартин заспешил, нога подвернулась, он упал, разбив коленями ледок на луже.
- Да заткнись ты, дерьмодоед! – Пэт замахнулся.

Финн отпрыгнул, вой сменился рычанием. Пэт ударил еще раз. От углового камня конюшни полетели искры. И тут Финн кинулся на него. Белоснежная шкура щенка светилась в темноте, в глазах плясали зеленые болотные огни. Пэт кричал и завалился на спину.

- Финн, нет!

Щенок отскочил от Пэта и попятился к Мартину, рыча и вздыбив на загривке шерсть. За ним тянулась целая веревка – должно быть, узел развязался.

На дороге, ведущей к дому, послышался стук башмаков и голос Джона О’Донохью.

- Пэт! Что у тебя творится?
- Чертова тварь! – Пэт поднялся, зажимая правую руку. – Чтоб ты сдох, паскуда!
- Беги! – Мартин оттолкнул щенка. – Беги, Финн!

Во двор вбежал Дэн Гейни, размахивая пучком каких-то веток. Что-то мелкое полетело в сторону щенка. Пэт подобрал кочергу и тоже кинул в него. Финн завизжал и помчался прочь. Знахарь победно погрозил ему вслед.

- Не любят Они рябину. – Он повернулся к Пэту. – Как ты?
- Паршиво! – Пэт сосал руку, сплевывая кровь. – Чуть до кости не прокусил.
- Перевязать надо.

Сердце у Мартина колотилось так, что он почти ничего не слышал. Рябина – это от фейри. Значит, Финн и правда из-под холма! А что, если он больше не вернется?

- Сбежал твой пес? – Коренастый здоровяк О’Донохью навис над Мартином. – И тебе пора убраться к своим.

Финн мчался со всех лап. Шкуру жгло в тех местах, куда попали ягоды злого дерева, на боку вспух уродливый рубец. Плохие люди, плохой дом! Больше он туда не вернется.

Внезапно щенок затормозил, закрутился на месте. А как же мальчик? Нельзя его бросать. Он единственный из них добрый, он свой!

Финн сел на поджатый хвост и заскулил. Что же делать? У людей огонь, железо и злое дерево. Одному с ними не справиться! Финн понюхал

ветер, вскочил и напрямик, не разбирая дороги, побежал к заросшему боярышником холму. Веревка путалась в вереске, цепляла на себя колючки. Пришлось задержаться – перегрызть обузу.

На холме Финн отдышался, высунув язык. Луна светила, набирая силу, и щедро делилась ею с белым щенком. Финн запрыгнул на полуразрушенную каменную стену древнего форта, вскинул морду и залаял – протяжно, с подвыванием. Никто не учил щенка этому зову, но его отголоски с недавних пор он слышал каждую ночь. И каждый раз замирал, насторожив уши, чуть слышно поскуливая, но не решаясь ответить. Финн и сейчас боялся. Если его не признают – порвут на части. Но больше никто не сможет помочь Мартину.

Финн передохнул и позвал снова. Ни одна домашняя собака в округе не посмела подать голос, но и желанного ответа он не получил. Финн залаял в третий раз – отчаянно напрягая горло. И услышал, как где-то далеко, у самых звезд, откликнулась Дикая свора.

- Пей, ублюдок!

От кружки поднимался вонючий пар, после второго глотка Мартина вывернуло горьким варевом – прямо под ноги Пэту.

- Что, не по нутру мое снадобье? – Дэн недобро прищурился.

Джон, крепко державший Мартина за плечи, кивнул со знанием дела.

- Не человек он, коли не смог третий раз глотнуть. Верный признак.
- Разденьте его.

С Мартина сорвали рубашку и штаны. Опрокинули на лавку. Задыхаясь от стыда, он отвернулся к стене, чтобы не видеть притаившихся на лестнице служанок. Девчонки смотрели на происходящее с приоткрытыми ртами.

Гейни с оттяжкой хлестнул его пучком рябиновых веток, еще раз и еще.

- Говори, человек ты или фейри?
- Я человек!

Однажды Мартин усомнился в этом – когда деревенские дети задразнили его подменным. Мама тогда поставила его перед собой, вытерла фартуком слезы и поклялась всеми святыми, что он – ее родной сын.

- Я человек! – отчаянно повторил Мартин.

Сказать иначе – значит отказаться от матери. Предать ее. Нет, пусть лучше запорют до крови.

- Врешь! – Пэт схватил кочергу левой рукой. Правая была замотана тряпкой.

– Погоди! – Джон отобрал кочергу раньше, чем Пэт ткнул ею в горящие угли очага. – Давай сначала так проверим. Добрые соседи холодного железа не любят.

Он прижал конец кочерги к лицу Мартина. Тот напрягся и даже перестал дышать, чтобы случайно не вздрогнуть.

– Не доказательство это. – Гейни поморщился, изучая тощее, искривленное тело мальчика. – С подменными по-разному бывает, а этот долго с людьми прожил, привык к железу. Но огонь – крайнее средство. Придержите его.

Мужчины прижали Мартина к лавке. Дэн разжал ему зубы и принялся тонкой струйкой вливать в рот отвар.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа скажи, ты Мартин Боланд, сын Дэвида Боланда?

Он повторил вопрос трижды.

– Да, да... – бормотал Мартин.

У него кружилась голова. «Наперстянка... В отваре наперстянка!» Малышом Мартин как-то сунул в рот красивый цветок, похожий на колпачок фейри. Перепуганная мать так сильно его отшлепала, что он накрепко запомнил вкус ядовитой травы. Нельзя оставлять в желудке отраву! Но если его вырвет, дед убедится, что он подмениш. Мартин зажмурился и глубоко задышал, удерживая рвоту.

– Подождем. – Дэн повернулся к Пэту. – А ты пока принеси ночной горшок. Набери в него куриного навоза и сам помочись.

«Я Мартин! Я сын Дэвида Боланда!» – кричал про себя Мартин. Но челюсти свело судорогой так, что заскрипели зубы.

Джон отшагнул от лавки, когда тело мальчика выгнулось, забилось выброшенной из воды рыбой. От очага тянуло теплом, но Мартин дрожал, трясся, словно его голого выбросили на мороз.

– Может, хватит? – неуверенно сказал Джон. – Пусть сперва оклемается.

– Я свое дело знаю. – отрезал Дэн. – Ишь, вертится, гаденыш, как уж под вилами! Давай, Пэт, плесни на него как следует.

На грудь Мартина полилась теплая, густая жидкость. Одурманенный наперстянкой, он не почувал запах, но оставленные прутьями царапины зашипало, и Мартин захрипел.

– Если ты человек, назови каждого из живущих в этом доме! – приказал Гейни. – Говори!

Мартин едва заметно шевельнул губами.

– Не сдастся. – Дэн Гейни почесал затылок. – Коли так, тащите его в очаг.

С лестницы послышались испуганные женские возгласы.

– Подержите над углями, – пояснил Гейни. – Этого должно хватить.

Пэт сжал запястья мальчика, Джон взял его за ноги. Мартин задергался, замотал головой, разбрызгивая хлынувшую так рвоту. Джон выругался, Дэн шикнул на него.

– Крепче держите! Отвечай, фейри ты или человек?

Мартину стало жарко, спину опалило. Панический, животный страх вытолкнул его на поверхность из темной, немой глубины. Голова Мартина запрокинулась, легкие, как пух, волосы коснулись углей и вспыхнули.

– Да! Да-а-а! Мамочка-а!

– Хватит! Не могу я больше! – Джон выдернул Мартина из очага, оттолкнул Пэта, вылил на мальчика воду из котелка, в котором мыли посуду.

Пэт угрюмо молчал, опустив голову. Дэн Гейни выжидательно смотрел на него.

– Неужто мы ошиблись? – пробормотал Пэт.

Наверху закричала Сара. Мужчины разом вздрогнули.

– Пэт! – Оттолкнув служанок, Сара сбежала с лестницы. Бледное лицо опухло, глаза красные. – Ох, Пэт... Твоя Нора умерла!

Боланд пошатнулся. Джон торопливо придвинул ему табурет. Пэт прижал кулаки к вискам и застонал, раскачиваясь взад-вперед.

– Так вот по кому выл этот чертов пес!

– Зря мы это затеяли. – Джон неловко пригладил встопорщенные волосы. – Слышал я, что если с подменным плохо обращаться, Добрые соседи мстят за него.

– Да это он, гаденыш, ее извел! Как нашего Дэвида! – Пэт поднялся.

Все отвели глаза, не решаясь смотреть на его перекошенное гневом и болью лицо.

– Будь я проклят, если оставлю бездушную тварь в своем доме! Разведите огонь!

Девчонки дружно заревели.

– А если Они всех нас изведут?!

– Есть другой способ, – вмешался Гейни. – Сара, возьми лопату. Пэт, вы с Джоном держите подменного так, чтобы он сидел на лопате, ясно? Трижды высуньте его за дверь, но сами не выходите!

Гейни зачерпнул пригоршню золы, рассыпал тонкой линией у порога и распахнул дверь. В душную полутьму ворвался свежий ветер и лун-

ный свет. Сара вцепилась в длинную ручку деревянной лопаты. Пэт и Джон придерживали безвольно обвисшего Мартина. Дэн достал из своей сумки зеленые листья наперстянки.

– Рот ему откройте. – Он выжал три капли сока на язык Мартину. Наклоняя ему голову, покапал в уши и тщательно отер руки тряпкой.

– Если ты феири, убирайся прочь! – крикнул он. Ледяной ветер пролетел по комнате, раздув угли в очаге. Служанки, подобрав подолы, кинулись вверх по лестнице. Закусив губу, Сара подалась вперед, дрожащими руками еще раз высовывая лопату за порог.

– Если ты феири, убирайся прочь!

Гейни почувствовал далекий вой. Он сунул руки в карманы, сжал кованый гвоздь и уголек, прихваченный из кузницы.

– Если ты феири...

Внезапно налетевший шквал смял его слова. Снежная крупа хлестнула по глазам, ослепила. Сара бросила лопату, пригнулась, закрываясь фартуком. Джон и Пэт выронили Мартина.

– Все в дом!

Гейни вцепился в дверь, но ветер рвал ее из рук. Дом содрогался от ржания, топота копыт и лая. Прямо над крышей пропел охотничий рог. Из снежной круговерти вылетали огромные белоснежные псы с пламенеющими ушами.

– Помогите! – Одеревеневшими от стужи пальцами Гейни пытался справиться с дверью.

Джона, Пэта и Сару окружила снежная пелена. Они вслепую шарили вокруг, не находя друг друга. Косяки двери куда-то исчезли. Пэт споткнулся о Мартина, пинком отбросил его, и тут острые зубы вцепились в ногу. Рядом завопил Джон. Визг Сары резанул по ушам и захлебнулся.

Снова пропел рог. Ударили о ледяной наст неподкованные копыта. Гейни забормотал заговор против феири – древний, полузабытый за ненадобностью. Дверь наконец-то поддалась. Он хлопнул ее, локтем задвинул засов.

– Пэт, Джон, вы здесь? Сара?

За дверью засмеялись. Детский голос позвал:

– Выходи, Дэн Гейни. Потанцуй с нами!

Знахарь сполз по стене, прижимая к груди отмороженные руки. Дикая Охота... Во всей Ирландии их сто лет никто не видел! Почему именно ему так не повезло?!

В щель под дверью заметало снег, он таял и растекался красными струйками. Пахло свежими потрохами.

Пятеро белоснежных псов с красными ушами – последние остатки когда-то многочисленной своры – давно не охотились на людей. Им запрещали. Но сегодня особая ночь. Рогатый бог приказал поймать тех, кто не запер двери, кто забыл правила, кто решился поднять руку на щенка Дикой Охоты!

Псы ликовали. Вот она – добыча, самая сладкая из всех. Первым делом вырвать лица, чтобы не раздражали чуткие уши своими криками. А потом терзать живое мясо, ломать, словно хворост, белые ребра, рвать сухожилия, разбрызгивая красные кляксы на белый снег. И наконец вонзить клыки в еще трепещущее сердце.

Между огромными псами мелькнул щенок. Финн схватил валяющегося в стороне Мартина за руку, потянул, упираясь задними лапами. Старая сука обернулась, рыкнула на него, аккуратно подхватила мальчика и забросила себе на спину. Финн побежал следом – туда, где нетерпеливо пританцовывали, вдыхая запах крови, тонконогие кони с гривами цвета тумана.

Один из всадников – сплошные ломаные линии и путаница блестящих лент – качнулся в седле.

– Мой господин, в доме еще остались люди. Позволь, я выманю их.

– Да-да, позволь, Тис их позовет! – захлопала в ладоши девочка с серой, как зимняя кора, кожей и зелеными волосами, в которых поблескивали белые ягоды. – Пусть они танцуют – бо-сиком на снегу, пока не сотрут ноги до колен. Как раньше!

– Нет, Омела. – Предводитель Дикой Охоты качнул рогатой головой. – Пусть они живут. Пусть рассказывают истории об этой ночи. Люди забыли, кого им следует почитать и бояться. Теперь вспомнят. И когда мы вернемся, они встретят нас, как должно.

Омела надулась.

– Это еще когда-а будет...

– Господин мой, Цернунн. – Закутанная в многочисленные покрывала женщина сняла со спины подбежавшей собаки Мартина. – Это не подмешь. Щенок со слишком громким для него именем ошибся.

Она опустила мальчика на землю. Финн жалобно заскулил и принялся его вылизывать.

– Меня это не удивляет, Ольха, – спокойно сказал Рогатый бог. – Но я хочу знать, как щенок моей Уны попал к людям?

Тис, шелестя лентами, слез с лошади. Опустился на колено, покаянно склонив голову.

- Признаю свою ошибку, повелитель. Шенок родился увечным, я не думал, что он сможет бегать.
- За ошибки следует платить. – Цернунн щелкнул пальцами. – Верни человеческого ребенка к жизни и спроси, что он хочет за щенка.
- А не проще ли добить это грязное отродье?

Финн оскалился. Старая сука, усевшаяся неподалеку от своего обретенного сына, пристально посмотрела на фейри и глухо заворчала. Цернунн снисходительно усмехнулся.

- Не усугубляй свою ошибку, дитя мое.
- Молю о прощении, владыкя! – Тис вскинул узкие ладони с длинными пальцами-шипами.

Брезгливо сморщив нос, он присел возле Мартина и трижды вонзил в перепачканное тело кончики пальцев. Глаза мальчика широко распахнулись. Финн взвизгнул, его язык заработал еще яростнее – очищая и согревая.

- Ты слышишь меня, дитя человека?

Мартин заморгал. Измученный мозг отказывался воспринимать сигналы от глаз и ушей. Тени, пестрые ленты, высокие, переливчатые голоса... Совсем рядом кто-то узколицый и золотоглазый. Неужели это фейри?!

- Слышу...
- Ты выходил щенка с красными ушами. – Тис улыбнулся. Блеснули треугольные зубы. – Это большая удача. Но теперь ему пора вернуться к нам. Иначе, рано или поздно, твои сородичи убьют его, понимаешь?

Мартин сглотнул. После рвоты и крика горло саднило.

- Да.
- Хорошо. Шенок принадлежит тебе по долгу жизни, и ты дал ему имя. Он твой. Но мы готовы его выкупить. Назови свою цену, и ты получишь все, что захочешь, – здоровье, красоту, деньги.

Фейри выжидающе замолчал. Золотые глаза мерцали предвкушением.

«Если случится тебе повстречать Добрых соседей, накрепко запомни – никогда их ни о чем не проси и не бери у них золото...»

- Он не продается, – прошептал Мартин, снова сглотнул и продолжил уже громче: – Он мой друг. Если захочет, пусть идет с вами.

Фейри с сухим треском всплеснул руками. Обвивающие его ленты из кожи змей заплясали на ветру.

- Мой повелитель, этот мальчишка – безумец!
- Напротив. – Земля дрогнула, и Мартина накрыла рогатая тень. – Он – редкость в своем роде,

а я ценю редкости. Ты достойно ответил, дитя человека. И за это я исполню любое твое желание. Слышишь? Любое.

Мартин зачарованно смотрел на ветвистые рога. Это ведь грех – принять подарок от хозяина Дикой Охоты... Или нет?

- Верни мне маму.
- Не могу. – Цернунн развел руками. – Есть порядок вещей, который нельзя нарушать. Пожелай что-нибудь другое.

Финн нетерпеливо ткнул Мартина в щеку. Шенок не понимал, о чем тут думать, весь все просто.

«Будь счастливым, милый мальчик...» – прошептал в голове Мартина мамин голос.

- Я хочу... – Он сморгнул слезы. – Я хочу быть счастливым.

Полная луна редко светит в щель между старым и новым годом. Но когда приходит такая ночь, возможно все.

Дикая Охота мчится по небу, торопясь вернуться на свою половину мира, пока не пришло утро. За кавалькадой бегут сытые, довольные псы с красными ушами. Старая Уна время от времени оглядывается, проверяя, не отстают ли от них двое щенков.

Мартин спотыкается, путаясь в четырех лапах, взвизгивает от страха, что сейчас упадет с такой высоты. Но Финн рядом – подбадривает, весело кусая за ухо, подставляет плечо. И вот уже они мчатся наравне со взрослыми псами. И Мартин счастлив – как может быть счастлив лишь щенок на своей первой охоте.

